

**СОЛДАТЫ
ПОБЕДЫ**

**ОЛЕГ РЖЕШЕВСКИЙ
ЕВГЕНИЙ КУЛЬКОВ
МИХАИЛ МЯГКОВ**

**ВСЁ
О ВЕЛИКОЙ
ВОЙНЕ**

**Евгений Николаевич Кульков
Олег Александрович Ржешевский
Михаил Юрьевич Мягков
Всё о великой войне
Серия «Солдаты Победы»**

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6374182
Всё о великой войне: Алгоритм; М.; 2010
ISBN 978-5-6994-1647-9, 978-5-699-41647-9

Аннотация

Можно ли было предотвратить Вторую мировую войну, а затем нападение Германии на СССР? Почему усилились попытки обвинить нашу страну в развязывании войны и представить советских воинов-освободителей захватчиками и насильниками? Как объяснить поражения 1941 г. и огромные людские потери? Почему часть пленных и населения оккупированной территории сотрудничала с врагом? Каковы источники народного подвига на фронте и в тылу в борьбе за достижение победы? В каких битвах решались судьбы войны и каково значение антигитлеровской коалиции в разгроме агрессоров?

Эти и другие вопросы, включая действия руководства страны, лично Сталина, командного и рядового состава вооруженных сил, дипломатии и разведки, также привлекают внимание широкой общественности. Высказываются, особенно в средствах массовой информации, противоречивые мнения и оценки. В предлагаемой читателям книге известные ученые, авторы многих трудов, опубликованных в нашей стране и за рубежом, дают свои ответы на наиболее острые, дискуссионные вопросы. Читатели узнают много нового из недавно рассекреченных или полузабытых документов, раскрывающих достоверную историю основных событий Великой Отечественной войны.

Содержание

ПЕРЕД ВЕЛИКИМ ИСПЫТАНИЕМ	4
НА ГРАНИ КАТАСТРОФЫ	21
БИТВА ПОД МОСКВОЙ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Олег Александрович Ржешевский, Евгений Николаевич Кульков, Михаил Юрьевич Мягков Всё о великой войне ПЕРЕД ВЕЛИКИМ ИСПЫТАНИЕМ

9 мая 1945 г. в ознаменование победы над Германией столица нашей Родины Москва от имени Родины салютовала доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-морского флота, одержавшим эту блестящую победу, – 30 артиллерийскими залпами из 1000 орудий. Газета «Известия» торжественно сообщала: «Сегодня Красная Армия вручает советскому народу самую великую в истории победу. Прими, героический советский народ, ты заслужил ее с честью и славой! В ней твой многолетний труд, в ней четыре года твоих самоотверженных усилий и лишений, в ней плод твоих воли, бесстрашия, мужества, в ней награда за горечь утрат и разрушений. Ты добыл ее в трудах и крови. Пусть радость придет в твое сердце: правое наше дело восторжествовало! Навеки веков великий этот день войдет в историю. Отныне 9 мая для всех поколений станет днем всенародного торжества – Праздником Победы».

Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. посвящена огромная литература, число изданий которой непрерывно возрастает. Повышенный интерес общественности к событиям войны, острота дискуссий, в том числе в средствах массовой информации, во многом отражают процесс глубоких перемен, происходящих в стране и ее положении в мире.

По мере приближения 70-летия начала Второй мировой войны центр дискуссии переместился на период от мюнхенского соглашения до нападения Германии на СССР. Объектами особого внимания и в России, и на Западе вновь оказались советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., предыстория нападения Германии на СССР, советская внешняя и военная политика данного периода в целом. При этом фальсификация истории советско-германского договора впервые была возведена усилиями Евросоюза на межпарламентский, а по существу на государственный уровень.

Имеется в виду принятая 3 июля 2009 г. резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ, смысл и суть которой заключается в обвинении России, в то время Советского Союза, как соучастника совместно с нацистской Германией развязывания Второй мировой войны. Сразу скажем, что авторам резолюции не откажешь в словесной «изысканности». 19 пунктов резолюции содержат пространные рассуждения о равнозначности нацизма и сталинизма, призыв объявить 23 августа днем памяти их жертв, двусмысленное «напоминание» о Холокосте, ссылки на Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в 1975 г. в Хельсинки, другие документы, но все это служит камуфляжем названной ранее цели резолюции. Она призывает к воссоединению разделенной Европы, но на деле дискредитирует и отчуждает Россию, сея недоверие и ксенофобию между народами.

Одна из причин появления резолюции ОБСЕ вызвана, на наш взгляд, открытием в России в последние годы крупных массивов документов, относящихся к событиям 1939–1941 гг. Только Министерством иностранных дел опубликовано более 1600 в большинстве своем ранее не известных документов, относящихся к этому периоду. Многие тысячи томов документов рассекречены в Центральном архиве Министерства обороны, других архивах и частично опубликованы в академических изданиях. Эти материалы подтверждают, что,

несмотря на просчеты и ошибки, советская внешняя политика со времени прихода Гитлера к власти и до нападения нацистской Германии на СССР была направлена на создание системы коллективной безопасности, союза государств и народов для борьбы с фашистской агрессией. В то же время документы неопровержимо показывают (как и ранее опубликованный «Архив Дирксена»), что целью западных демократий было не только избежать вовлечения в войну, но и, способствуя вооружению Германии, направить заряд ее агрессии против СССР. Антикоммунизм был ширмой, которая прикрывала борьбу между Англией и Францией, с одной стороны, Германией и Италией – с другой за господство над Европой. Эти цели имперской политики западных держав, теперь уже документально подтвержденные, и вызвали появление «защитного противовеса» в виде «пунктов» резолюции ОБСЕ. События, которые привели ко Второй мировой войне, сводятся методом вычленения к советско-германскому договору о ненападении. Оценка конкретной исторической обстановки, которая диктовала СССР необходимость принятия неотложных решений для обеспечения собственной безопасности в условиях международной изоляции, отсутствует. Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала, подтвержденные ООН, и приговор немецким военным преступникам, осужденным за агрессию против СССР и других стран, игнорируются.

В 90-х годах в России зазвучала версия о «превентивном» нападении Германии на СССР, что связано с изданием книг получившего убежище в Англии беглого советского разведчика В. Б. Резуна «Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну», «День «М», которые он опубликовал под псевдонимом Суворов. Напомним заявленную цель его книг: «Вторая мировая война – это термин, который коммунисты приучили нас писать с малой буквы. А я пишу этот термин с большой буквы и доказываю, что Советский Союз – главный ее виновник и главный зачинщик... Коммунисты сочинили легенду о том, что на нас напали и с того момента началась «великая отечественная война». Эту легенду я вышибаю из-под ног, как палач вышибает табуретку». Историкам же хорошо известно, что версия Суворова заимствована из заявления Гитлера 22 июня 1941 г., в котором он таким образом оправдывал вероломное нападение Германии на СССР. «Тиражированные в миллионах экземпляров и вызывающие отторжение в отечественной науке и общественном мнении», как отмечает академик А.О. Чубарьян, эти книги потребовали немалых усилий, чтобы преодолеть раздутую вокруг них кампанию. Недавно появилась книга «Правда Виктора Суворова. Окончательное решение», в которой его версия объявляется полностью доказанной. Аргумент один: ее «правильность» подтвердили «П. Бобылев, Т. Бушуева, В. Данилов, В. Киселев, М. Мельтюхов, В. Невежин, И. Павлова, М. Солонин, Ю. Фельштинский». Одна их глав книги написана д.и.н. Д. Г. Наджафовым и содержит критику труда видного западного историка Г. Городецкого «Миф "Ледокола"», в котором говорится: «История Великой Отечественной войны, ставшей неприкосновенной святыней, оказалась последней из того, что было подвергнуто пересмотру после распада Советского Союза. Было бы, разумеется, более правильно с точки зрения нравственности, если бы мертвых оставили в покое и какое-то время не тревожили память о Великой Отечественной войне. К сожалению, однако, бурный переходный период породил поколение иконоборцев – ниспровергателей мифов. Результатом их действий становится столь же искаженная и политизированная версия истории Великой Отечественной войны. Бывшие «белые пятна» ныне заполняются набором лжи, тенденциозными подборками фактов, которые общественность склонна принимать за истину». Труд Г. Городецкого объявляется «ремейком сталинских «Фальсификаторов истории».

Предварительно заметим, что фамилии «единомышленников» в подобного рода литературе подбираются весьма произвольно. В то же время достоверные свидетельства вновь и вновь опровергают версию Суворова. Посол США в Москве Л. Штейнгардт телеграфировал 17 июня 1941 г. в Вашингтон: «Я считаю, что вся политика Советского Союза в течение

последних месяцев была сосредоточена на том, чтобы избежать нападения Германии». Л. Штейнгардт видел и понимал, что происходило в действительности. Ныне документы подтверждают, что в разработанных Генеральным штабом и официально утвержденных планах на случай войны с Германией («Соображения об основах стратегического развертывания вооруженных сил») предусматривались только ответные боевые действия с последующим перенесением их на территорию противника.

Восстановим кратко историческую обстановку и советскую политику рассматриваемого периода. Это необходимо по той причине, что германское направление в данный период было не единственным по своему значению, на что обращается еще недостаточное внимание в нашей исторической науке.

* * *

Возникновение войн – это всегда исторический процесс, своими корнями уходящий в близкое или далекое прошлое. Геополитические итоги Первой мировой войны: распад некогда могущественных империй, возникновение целого ряда новых государств, перекройка границ, продиктованная Версальским договором и решениями Парижской мирной конференции (в Европе это произошло в первую очередь за счет Австро-Венгрии, Германии и России), привели к переделу мира в пользу англо-французской коалиции, к которой присоединились в 1917 г. США, и в то же время заложили основы еще более глубоких противоречий в международных отношениях. Борьба за региональное и мировое господство во многом определила в последующее двадцатилетие международные отношения в Европе и мире. Именно в геополитических категориях заявляли о своих целях лидеры стран, развязавших Вторую мировую войну. Гитлер еще в 1925 г. в своей книге «Майн кампф» провозгласил «дранг нах остен» Германии к «необъятным просторам России». В расистских теориях это преломлялось в характеристиках евреев и славян, некоторых других народностей как «недочеловеков», подлежащих беспощадной эксплуатации или уничтожению. Геополитические цели Японии были сформулированы в 1927 г. в представленном императору меморандуме генерала Г. Танака – завоевать земли от Китая до Европы. Достоверность меморандума Танака ставится под сомнение некоторыми авторами, но в любом случае дальнейшее развитие японской экспансии совпадает с изложенными в нем планами. Муссолини в 1939 г. назвал Италию «узницей, томящейся в тюрьме, имя которой Средиземноморье» и призвал двигаться через Судан к Индийскому океану. Ряд малых стран, в том числе появившихся на политической карте после Первой мировой войны, ориентируясь на великие державы или подчиняясь их давлению, подливали масла в огонь, рассчитывая не только обеспечить безопасность своих границ, но и преследовали более амбициозные территориальные цели, как это, к примеру, имело место в случае с Польшей, а затем с Венгрией, Румынией и Финляндией. Принцип неделимости мира так и не утвердился. Насильственный передел его границ и географического пространства, как показала история XX в., неизбежно обострял национальные, этнические, религиозные и другие конфликты, в отдельности или в совокупности ведущие к дестабилизации целых регионов, а нередко и к войнам, связанным с интересами великих держав, их скрытого или прямого вмешательства в дела других государств.

Империализм как система, в недрах которой возникла Первая мировая война, породил все новые противоречия в экономической сфере. Неравномерность экономического развития и имперские амбиции привели в середине 30-х годов к расколу капиталистического мира. В одну из враждовавших между собой сил вошли Германия, Италия и Япония, в другую – Англия, Франция и США. Военная опасность усилилась, когда в Германии была установлена нацистская диктатура. Англия и Франция предприняли усилия отвести от своих стран угрозу германской агрессии, направить ее против СССР (политика умиротворения),

что явилось одной из причин неудачи создания в то время антигитлеровской коалиции с участием СССР (политика коллективной безопасности). США в межвоенные годы не играли решающей роли в европейских делах. С приходом Гитлера к власти в Германии США начали поддерживать политику Англии и Франции, в 1933 г. установили дипломатические отношения с СССР. Основное внимание США было приковано к борьбе с милитаристской Японией за сферы влияния на азиатско-тихоокеанском театре. Тем временем в Европе гонка вооружений, милитаризация общественной жизни, которыми открыли историю XX в. великие державы, принимали беспрецедентные масштабы.

Расстановка сил на международной арене после Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 г. особенно неблагоприятно складывалась для Советской России. Если на протяжении своей предыдущей истории Россия была вынуждена вести войны (в большинстве своем оборонительные) против одной или нескольких великих держав, то в межвоенный период впервые возникла реальная угроза их совместного похода против СССР. Страна оказалась в положении осажденной крепости, и важнейшая задача советской внешней политики состояла в том, чтобы разобщить могущественных противников, найти союзников, не допустить или максимально отдалить втягивание страны в войну.

* * *

1939 г. мир встречал новыми тревогами. Сполохи военного пожара разгорались с начала 30-х годов – захват Японией Маньчжурии в 1931 г. и вторжение в Центральный Китай в 1937 г., захват Италией Эфиопии в 1935 г., итало-германская интервенция в Испании в 1936–1939 гг., аншлюс («присоединение») Германией Австрии в марте 1938 г. Под занавес 1938 г., в ночь на 30 сентября, главами правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Германии (А. Гитлер), Италии (Б. Муссолини) и Франции (Э. Даладье) было заключено в Мюнхене соглашение, которое изменило соотношение сил в Европе и в конечном итоге привело ко Второй мировой войне.

Соглашение предписывало Чехословакии в десятидневный срок передать Германии около 1/5 своей территории. Чехословакия теряла четверть населения, около половины тяжелой промышленности, мощные укрепления на границе с Германией, новая линия которой теперь фактически упиралась в предместья Праги. Отрицательное отношение к этим требованиям правительства Чехословакии во внимание не принималось. Ее представителей даже не пригласили в зал заседаний. Лига Наций бездействовала.

Знаковым явилось совместное принуждение Чехословакии агрессивными диктаторскими режимами Германии и Италии и западными демократиями. В обмен Германия подписала с Англией (30 сентября) и Францией (6 декабря) декларации, которые, по сути дела, являлись пактами о ненападении.

Мюнхенская сделка готовилась длительное время и в одночасье разрушила с таким трудом созданный каркас системы коллективной безопасности в Европе, основу которой составили советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи (1935). Предпринятые Советским Союзом действия в поддержку Чехословакии (сосредоточение войск на западных границах, дипломатические демарши) успеха не имели. Вместе с тем есть основания полагать, что советское руководство исключало принятие крайних военных мер без участия Франции и обращения за помощью самой Чехословакии – она капитулировала в условиях диктата. Оценивая эти события, виднейший британский историк Б. Лиддел Гарт сделал следующий вывод: «Предложение русских (об оказании помощи Чехословакии. – *О.Р.*) было игнорировано. Более того, Россию демонстративно лишили участия в Мюнхенском совещании, на котором решалась судьба Чехословакии. Это «пренебрежение» год спустя имело фатальные последствия».

Англия и Франция, с одной стороны, Германия и Италия – с другой преследовали в Мюнхене различные цели. Для Германии это был промежуточный маневр к захвату всей Чехословакии и движения на восток, Италия обретала уверенность в осуществлении при поддержке Германией ее колониальных планов. Англия и Франция рассчитывали ценой территориальных уступок в Европе умиротворить нацистскую Германию, ослабить заряд ее агрессивной политики, нацеленной на западные демократии и направить его против СССР – в последнем цели тех, кто подписывал мюнхенское соглашение, совпадали. Это была дорога в бездну.

События в Европе приобрели еще более угрожающий характер. 15 марта 1939 г. германские войска, в нарушение мюнхенского соглашения, вступили в Прагу. За день до этого по указке из Берлина была провозглашена «независимость» Словакии. Участниками раздела Чехословакии стали также Польша и Венгрия. Польша оккупировала Тешинскую Силезию, Венгрия – южные районы Словакии и Закарпатскую Украину. Чехословакия как государство перестало существовать. 22 марта Германия ввела войска в Клайпеду (Мемель) – ранее немецкий город и порт, переданный Лигой Наций в 1923 г. Литве. 7 апреля Италия оккупировала Албанию. Двумя месяцами раньше Германия «в услугу за услугу» потребовала от Польши возвратить город и порт Данциг, который до «приговора в Версале» также являлся германской территорией, предъявила Польше другие требования. На самом деле Данциг был очередным звеном в агрессивных планах Германии, поводом для нападения на Польшу. Выступая на совещании с командованием вермахта 23 мая 1939 г., Гитлер говорил: «Данциг – отнюдь не объект, из-за которого все предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на Востоке».

11 марта Англия, а затем Франция объявили о гарантиях независимости Польше. 11 апреля Гитлер, используя отказ Польши выполнить германские требования и демонстративную поддержку ее Англией и Францией, утвердил план «Вайс» – план войны с Польшей. Был установлен срок готовности к войне – 1 сентября 1939 г. Так впервые в немецких документах появилась дата начала одной из величайших трагедий в истории человечества.

Напомним, что к этому времени была достигнута предварительная договоренность о заключении военного союза между Германией, Италией и Японией. Дальнейшие события в Азии не заставили себя ждать. Японские милитаристы, несмотря на неудачу своей военной провокации у озера Хасан, развернули в мае 1939 г. войну против дружественной Советскому Союзу Монгольской Народной Республики. Боевые действия группы советско-монгольских войск, которыми командовал комкор Г. К. Жуков, завершились в сентябре разгромом японской 6-й армии. Но очевидной стала реальная военная угроза нашей стране как на Западе, так и на Востоке.

Период марта – августа 1939 г. – это маневры потенциально и реально противостоящих сил, направленных на поиски союзников и разобщение противников. Многосторонние и двусторонние переговоры велись между Англией и Германией; Англией и Францией; Англией, Францией и Германией с Советским Союзом; ими вместе и в отдельности с малыми и средними странами Европы; между Германией, Италией и Японией; между Японией и Советским Союзом и т. д. Их результаты определили расстановку сил к началу Второй мировой войны и во многом к нападению Германии на СССР и Японии на США в 1941 г.

* * *

С развитием международного политического кризиса, который последовал за заключением мюнхенского соглашения, захватом Германией Чехословакии и нападением Японии на союзную СССР Монгольскую Народную Республику определились два основных вектора советской внешней политики: превентивный, имевший целью предотвратить нападение Гер-

мании и ее союзников на СССР, и коалиционный, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами. Одна из особенностей создавшегося положения состояла в том, что каждая из империалистических группировок стремилась вовлечь СССР в надвигающуюся войну, подставив его под удар, прикрываясь готовностью к переговорам. Первый демонстративный шаг предприняла Германия. На новогоднем приеме в наступившем 1939 г. Гитлер проявил неожиданное внимание к советскому полпреду А. Ф. Мерекалову. Как сенсация было расценено первое за всю историю появление в марте в советском посольстве в Лондоне премьер-министра Н. Чемберлена. Французский премьер Э. Даладьё провел несколько встреч с советским послом Я. З. Сурицем.

СССР, естественно, был заинтересован в заключении политического и военного союза с западными демократиями и вступил с ними в апреле 1939 г. в политические переговоры. Инициативу проявила Великобритания, которая, как и Франция, после захвата Германией Чехословакии пока еще смутно, но опасалась, что нацистская Германия может «поменять расписание» и следующий удар направить не на Восток, а на Запад. Начались англо-франко-советские (московские) переговоры, важнейшей частью которых явились военные переговоры (12–22 августа 1939 г.). Как показали последующие события, это была последняя возможность предотвратить Вторую мировую войну.

Британскую делегацию возглавлял адъютант короля адмирал Р. Драке, французскую – член Военного совета генерал Ж. Думенк, советскую – нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов. В хранящейся в архиве МИД РФ инструкции советской делегации, записанной маршалом предположительно под диктовку И. В. Сталина, указывалось вести переговоры с целью заключения военной конвенции, но при условии практического согласования конкретных и действенных мер, направленных на обеспечение взаимной безопасности в случае германской агрессии. Принципиальным в инструкции был вопрос о пропуске Красной Армии через территорию Польши и Румынии, иначе «оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал» – германские армии беспрепятственно могли выйти к советским границам. Московским переговорам посвящена обширная литература. Выделим следующее: в Москве было известно, что в ближайшие дни Германия начнет войну с Польшей и намеревается разгромить ее в течение двух недель. Разведка также сообщала, что Чемберлен выступает противником какого-либо обязывающего договора с СССР. Было известно и то, что в Великобритании активизируются влиятельные антинацистские силы в лице У. Черчилля и его окружения. Советская дипломатия также рассчитывала на косвенную поддержку своей позиции президентом США Ф. Д. Рузвельтом, который не всегда последовательно, но выступал с осуждением действий агрессоров. На одном из секретных совещаний он положительно оценил советскую политику в период гражданской войны в Испании и высказался за помощь нашей стране в случае нападения Германии. Но Черчилль еще не входил в состав правительства, а политика США на европейском направлении после «присоединения» гитлеровцами Австрии и захвата Чехословакии только прояснялась.

Московские переговоры буксовали. Тем временем вновь инициативу проявила Германия, с которой СССР вслед за Англией также вступил в переговоры. В результате приобрела реальные очертания возможность заключения с Германией пакта о ненападении, ограничивающего продвижение вермахта на восток.

Переговоры с англичанами и французами зашли в тупик из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территорию навстречу германским армиям в случае агрессии. Рассекреченные французские документы фиксируют ход переговоров день за днем. 17 августа глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк сообщил из Москвы в Париж: «Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения». 20 августа он информировал свое руководство: «Провал переговоров неизбежен, если Польша

не изменит позиции». В тот же день министр иностранных дел Польши Ю. Бек, передоверившись британским гарантиям, телеграфировал своему послу во Франции Ю. Лукасевичу: «Польшу с Советским Союзом не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такого договора заключать не собирается». В своей книге «За закрытыми дверями» британский автор Л. Риз, изучавший документы о московских переговорах, заключил, что делегация во главе с Р. Драксом следовала «самоубийственной тактике» – вообще не отвечать на вопросы, касающиеся Польши. «Когда советский маршал Ворошилов 14 августа напрямую поставил вопрос о допуске Красной Армии на территорию Польши для борьбы с нацистами, делегация союзников оставила вопрос без ответа». Одной из неиспользованных советской делегацией инициатив могло быть, на наш взгляд, приглашение в Москву полномочного представителя Польши для участия в решении вопроса о пропуске советских войск через ее территории в случае нападения Германии.

Развязка приближалась. Вечером 21 августа Ж. Думенк получил в Москве следующую телеграмму начальника Генерального штаба: «По распоряжению Председателя Совета министров генерал Думенк уполномочивается подписать в общих интересах и с согласия посла военную конвенцию. Гамелен» – германская агрессия на западе в первую очередь угрожала Франции. 22 августа Думенк сообщил о телеграмме Гамелена Ворошилову. Но Лондон хранил молчание.

Газеты сообщали, что Чемберлен ловил рыбу, а Галифакс охотился на уток. Позднее из британских источников стало известно, что на 23 августа был согласован прилет Геринга в Великобританию для встречи с Чемберленом и «урегулирования разногласий» на англо-германских переговорах. Тайну подготовки переговоров хранят британские архивы.

Американские историки А. Рид и Д. Фишер пишут о драматических событиях на тройственных переговорах в августе 1939 г.: «Англия и Франция в последнюю минуту могли одуматься, Польша – понять, каково реальное положение дел, а германское предложение – рухнуть. Сталин оставлял обе двери открытыми. Однако постепенно приоритеты изменились в пользу Германии, союзникам была отведена вторая позиция».

Как и в Первой мировой войне, все решилось «в последний час». Получив от Сталина согласие на подписание договора о ненападении, Гитлер направил в указанный ему срок 23 августа министра иностранных дел Германии в Москву. В ночь на 24 августа в Кремле договор (пакт Молотова – Риббентропа) был подписан. Это вынужденное политическое решение на какое-то время гарантировало страну от войны с Германией, с ее реальными и потенциальными союзниками. Германия при нападении на Польшу избавлялась от угрозы войны на два фронта и рассчитывала на нейтралитет Англии и Франции, но в последнем просчиталась. 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили Германии войну.

Секретный протокол и последующие договоренности с Германией предусматривали раздел «сфер интересов» между Германией и СССР и являлись важной составной частью подписанных документов. К «сфере интересов» СССР относились Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, восточная часть Польши (Западная Белоруссия и Западная Украина), Бессарабия. Все это были государства или территории, входившие в состав России, отторгнутые у нее после Первой мировой войны по результатам Версальского мира или путем прямых аннексий. Граница сферы советских интересов неформально признавалась Германией максимальным рубежом продвижения своих войск на восток. Отметим, что секретные протоколы к договорам – обычная практика того времени, и не только.

25 августа 1939 г. в Лондоне было подписано англо-польское соглашение о взаимопомощи. Оно предполагало, что помощь Польше будет оказана немедленно. В секретном протоколе к соглашению определялись государства или территории, которые входили в сферу интересов сторон: Бельгия, Голландия, Данциг и Литва. Упоминались также Латвия, Румыния и Венгрия.

Оценивая преимущества и издержки для нашей страны советско-германских договоренностей о разделе «сфер интересов», необходимо иметь в виду следующее. Есть такое понятие в военной науке – геостратегическое пространство. В 1939–1940 гг. советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад, обеспечивало возможности для более надежной обороны страны. В иных условиях немецко-финские войска начали бы наступление, находясь в 32 км от Ленинграда, немецкие в 35 км от Минска, немецко-румынские в 45 км от Одессы и т. д. Ход войны показал, насколько важными оказались эти «километры», чтобы выстоять в тяжелейшем 1941 г., особенно для обороны Ленинграда и Москвы.

Разнонаправленное, но немаловажное значение имело для каждой из сторон достигнутое соглашение по экономическим вопросам. Германия остро нуждалась в сырье. СССР – в современной технике и технологиях.

У. Черчилль писал по поводу советско-германского договора о ненападении: «Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение – Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным... Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет. В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий».

Российские историки-ревизионисты, заимствуя распространяемую на западе негативную трактовку договора, нередко «переписывают» свои собственные оценки. В. И. Дашичев в своем труде «Банкротство стратегии германского фашизма» (1973), приводит цитату, согласно которой советско-германский договор о ненападении «расстроил расчеты империалистов и позволил выиграть время для укрепления обороны страны». В «переработанном и дополненном» издании 2005 г. договору дается иная оценка: «Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г.». Автор также утверждает, что «крупной ошибкой Сталина было и то, что после разгрома Франции он не пошел в 1940–1941 г. на поиски союза с Англией... Черчилль оказался намного умнее». Эти утверждения также не соответствуют действительности.

Наступление немецких войск в Польше стремительно развивалось на восток. Располагая многократным превосходством над польской армией, особенно в танках и авиации, передовые части вермахта на восьмой день достигли дальних пригородов Варшавы.

В то же время на Западном фронте, в тылу Германии, происходили труднообъяснимые события, получившие название «странной войны». Армии Англии и Франции, имевшие превосходство над противником, фактически бездействовали. Англо-французские обязательства и заверения Польше перейти в решительное наступление на девятый, затем на пятнадцатый день войны (что подсказывал и здравый смысл) не выполнялись. Основные силы польских войск, несмотря на упорное сопротивление, были за две недели разгромлены. 17 сентября, когда Варшава еще оборонялась, правительство Польши покинуло пределы страны. В тот же день на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии вступили части Красной Армии.

Официальное и неофициальное осуждение ныне в Польше этого решения советского правительства, в том числе в резолюции сейма 23 сентября 2009 г. «в связи с 70-летием нападения СССР на Польшу» – тенденциозно и представлено вне контекста сложившейся военной обстановки: наступающие германские армии приближались к границам СССР. Немецкое командование нарушило согласованный рубеж предельного продвижения вермахта на восток и отвело за этот рубеж (демаркационную линию) свои войска только после категори-

ческого требования советского правительства. По свидетельству генерала вермахта Н. Формана, демарш Москвы помешал осуществлению задуманного плана выхода немецких войск непосредственно к границам СССР. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер назвал день 20 сентября 1939 г., когда в Берлине приняли решение об отводе немецких войск на согласованный рубеж, «днем позора немецкого политического руководства».

Большинство населения Западной Украины и Западной Белоруссии встречали Красную Армию как освободительницу. В ноябре 1939 г. Западная Украина воссоединилась с Украинской ССР, Западная Белоруссия – с Белорусской ССР. Вильнюс с прилегающей областью, захваченные в 1920 г. Польшей, возвратили Литве. Границу СССР установили примерно по так называемой линии Керзона, рекомендованной в 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Украинский историк В.С. Макарчук, считая необоснованным осуждение секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении II Съездом народных депутатов СССР в 1989 г., отмечает: согласно международному праву протокол не может объявляться «недействительным с момента его подписания» и составлен так, что «формально не нарушал принятой на то время практики международно-правовых документов».

Важнейшая задача советской политики в тот период заключалась в том, чтобы не допустить одновременного выступления против СССР Германии и Японии, обезопасить свои границы на западе и на Дальнем Востоке. Ввод войск на территорию Западной Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики осенью 1939 г. и в июне 1940 г. на территорию Бессарабии (аннексированную Румынией в 1918 г.) и Северной Буковины был осуществлен при отсутствии организованного вооруженного сопротивления. Но обезопасить путем договоренности границу на северо-западе не удалось, что привело к кратковременной и кровопролитной войне с Финляндией. Новая граница была установлена мирным договором 1940 г. на удалении до 150 км от Ленинграда. Следует отвести как несостоятельную версию некоторых финских и отдельных отечественных историков о советских планах оккупации Финляндии, ликвидации ее независимости и включения в состав СССР. Эта версия опровергается официальными заявлениями советского правительства в период «зимней войны», самим ходом ее событий.

Большим успехом советской политики, который был во многом обусловлен поражением японских войск на р. Халхин-Гол, явилось заключение 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете с Японией. Заслуга нашей дипломатии состояла в том, что она в ходе переговоров сумела использовать в интересах безопасности страны японо-американские противоречия, которые в тот период оказались сильнее. В дальнейшем это позволило Советскому Союзу избежать войны на два фронта.

* * *

В Москве ясно понимали, что, несмотря на достигнутые договоренности, нападение Германии остается опаснейшей угрозой для страны, и стремились с помощью далеко не всегда лучших решений и заявлений, выиграть больше времени для укрепления обороны. Вместе с тем курс советской политики, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами, не снимался с повестки дня. Переговоры с Англией возобновлялись через неделю после подписания 28 сентября 1939 г. советско-германского договора о дружбе и границе.

1 октября 1939 г. У. Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр), выступая по радио, сделал важное заявление: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России. Во

всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который Германия не осмеливается напасть», 6 октября он пригласил советского полпреда И.М. Майского и в ответ на его вопрос: «Что вы думаете о мирных предложениях Гитлера?» сказал: «Некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда». Далее он разъяснил позицию британского правительства: «1) основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2) СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что Балтийские страны включаются в нашу (советскую), а не в германскую государственную систему; 3) необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ в Черное море; 4) британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании». Так возобновились англо-советские переговоры, в ходе которых Англия стремилась «навести мосты», а СССР – не сжигать их.

21 февраля 1940 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов направил указание И. М. Майскому (оно «адресовано» и современным фальсификаторам истории. – *Авт.*) следующим образом разъяснить английскому правительству политику СССР в отношении Германии: «Первое. Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией. Второе. Хозяйственный договор с Германией есть лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн. марок, причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего нам неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. Третье. Как был СССР нейтральным, так он и остается нейтральным, если, конечно, Англия и Франция не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие. Упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Германией подогреваются не только некоторыми элементами в самой Германии, чтобы запутать Англию и Францию, но и некоторыми агентами самой Англии и Франции, желающими использовать воображаемый «переход СССР в лагерь Германии» для своих особых целей в области внутренней политики».

9 мая 1940 г. началось наступление вермахта на Западном фронте, которое по своей силе, размаху, оперативному искусству и достигнутым результатам, без преувеличения, поразило мир. 22 июня, через 44 дня, Франция капитулировала. Вместе с ней под пятой вермахта оказались Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Люксембург. Британский экспедиционный корпус, бросив тяжелое вооружение, едва успел с помощью своего флота переправиться из района Дюнкерка через Ла-Манш и укрыться на Британских островах. Правительство У. Черчилля (с 10 мая – премьер-министр) отклонило германские предложения о мирных переговорах, за которыми последовал «блиц» – немецкое воздушное наступление на Великобританию с целью «выбомбить» ее из войны. Но в «битве за Англию» немецкая авиация встретила решительный отпор британской противовоздушной обороны и в силу больших потерь, стойкости и мужества, проявленных населением страны, не достигла поставленной цели.

Для советского политического и военного руководства скоротечное поражение англо-французской коалиции явилось фактором стратегической внезапности, возросшей угрозы войны с Германией, которая начала переброску своих войск к советским границам. Встречи и беседы В. М. Молотова с Гитлером и его окружением 11–13 ноября 1940 г. в Берлине подтвердили наличие у Германии агрессивных замыслов, направленных против СССР. Тем временем в Великобритании под воздействием сложившейся обстановки настроения стали заметно меняться в пользу СССР как потенциального союзника. И. М. Майский сообщал в Москву 19 июня 1940 г.: «Вчера в конце дебатов по выступлению Черчилля в парламенте

произошла следующая демонстрация: лейборист Джон Морган произнес небольшую речь, в которой он приветствовал назначение Криппса послом в Москву и призвал палату отметить прибытие Криппса «в эту великую страну и пожелать ему успеха в его работе». Со всех сторон (не только от лейбористской, но и с консервативной) раздались шумные одобрения, и все обернулись лицом к дипломатической галерее, в которой я сидел в числе других послов. Черчилль полуприподнялся со скамьи правительства и также обернулся в мою сторону, сделал дружественный жест по моему адресу рукой. Примеру Черчилля последовали ряд других министров, сидевших рядом».

Новый британский посол С. Криппс добился 1 июля 1940 г. встречи со Сталиным и вручил ему послание Черчилля от 24 июня, в котором говорилось, что Германия угрожает Великобритании, а также Советскому Союзу, и высказывалось пожелание о восстановлении «обеими нашими странами» их прежних связей. По итогам беседы, которая длилась около трех часов, Криппс, сообщая, что она проходила «в дружеской, предельно открытой атмосфере», сделал вывод, что «русско-германское сотрудничество будет продолжаться» и выделил согласие Сталина на британское содействие в нормализации отношений с Турцией и решении проблемы Черноморских проливов. Послание Черчилля придало еще большую активность британской политике на советском направлении. Угроза вторжения на Британские острова, «битва за Англию», возраставшее итало-немецкое давление на Балканах усилили стремление Великобритании добиться сближения с СССР и если не разрыва, то ослабления советско-германских отношений, начиная с торговли, которую, впрочем, оценивали в Форин Офис как неудовлетворяющую запросы Германии. В Москве понимали всю сложность дипломатической ситуации и, чтобы избежать обострения отношений с Германией, 13 июля информировали немецкого посла Ф. Шуленбурга о содержании переговоров между Криппсом и Сталиным. 17 июля о них было объявлено в Лондоне.

22 октября Криппс от имени Черчилля предложил подписать между Великобританией и СССР секретное соглашение, которое сближало политику двух стран, предусматривало признание *de facto* «власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях Польского государства, которые теперь находятся под советским главенством». Советской дипломатии приходилось уклоняться под разными предлогами от «кардинальных» предложений английского правительства и в то же время не допускать ухудшения отношений с Великобританией как потенциальным союзником. Британские предложения были пока неприемлемы, поскольку соотношение сил в Европе в тот момент еще больше изменилось в пользу Германии. В Москве рассчитывали удержать ее от войны против СССР, надеялись на соблюдение ею пакта о ненападении. 24 февраля 1941 г. в ответ на предложение министра иностранных дел А. Идена приехать в Москву для встречи с И. В. Сталиным в целях улучшения англо-советских отношений заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский сказал Криппсу: «Сейчас еще не настало время для решения больших вопросов».

В.М. Молотов вспоминая об усилиях немецкой разведки выяснить содержание переговоров между Лондоном и Москвой, так охарактеризовал в беседе с писателем И.Ф. Стаднюком действия советского руководства: «Мы, несмотря на наш договор о ненападении с Германией, не делали никаких заверений о нашем желании соблюдать нейтралитет, если она начнет агрессию против Англии... а разговоры велись те, что нам было надо».

3 апреля Черчилль направил Сталину послание, в котором сообщил о растущей угрозе нападения Германии на СССР. Послание Черчилля, в котором подтверждались данные советской разведки о сосредоточении немецких войск у наших границ, могло стать поводом для письма Сталина, направленного через несколько дней Гитлеру с запросом о причинах создавшегося положения и целях этого сосредоточения войск вермахта. Советский руководитель сообщил фюреру, что у него сложилось впечатление о подготовке Германии к напа-

дению на СССР. В ответ Гитлер прислал «доверительное письмо», в котором сообщил, что «в Польше действительно сосредоточены крупные военные соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдет дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не направлено против Советского Союза, так как он намерен строго соблюдать заключенный пакт, в чем ручается своей честью главы государства».

Вскоре последовал импульс недоверия и к английской политике в связи с прилетом в Англию 10 мая заместителя Гитлера по НСДАП Р. Гесса и советскими подозрениями об англо-германском сговоре. Гесс, сам управляя самолетом, приземлился на парашюте в Шотландии, недалеко от имения герцога Гамильтона, при поддержке которого рассчитывал накануне нападения Германии на СССР договориться о заключении мира между Германией и Англией. Как свидетельствуют доступные исследователям британские документы, относящиеся к миссии Гесса (часть их еще остается закрытой до 2017 г.), советские подозрения на этот раз не подтвердились. Военная угроза, нависшая над Великобританией и ее владениями, была столь велика, что установление союзнических отношений с СССР рассматривалось правительством как единственно возможное объединение сил для спасения страны, отпора и разгрома Германии и ее союзников в Европе. Тем не менее Криппс предложил использовать «дело Гесса» для давления на Россию и получил в этом поддержку из Лондона. Суть давления заключалась в том, что если СССР удовлетворит ожидаемые германские требования, то вероятен англо-германский компромисс и СССР «останется один на один с Гитлером».

Вокруг дела Гесса возникло множество легенд, одна из них – в Англии. Британский хирург Х. Томас, который, в соответствии с порядком пребывания немецких военных преступников в тюрьме Шпандау, наблюдал за состоянием Р. Гесса, на встрече с одним из авторов этой книги в 1986 г. в Лондоне утверждал, что в тюрьме Шпандау находился кто-то другой, но не Р. Гесс. Этому «двойнику» Х. Томас сделал несколько рентгеновских снимков легких, но, по его словам, «остающихся на всю жизнь» следов сквозного ранения левого легкого, полученного Р. Гессом в Первую мировую войну, не обнаружил.

Но вернемся к миссии Гесса. Трезвый расчет взял верх. Парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. А. Батлер на встрече 16 мая с Майским заверил советского посла в том, что «решимость правительства вести войну остается в полной силе» и «Гесс остается в Англии и будет рассматриваться как военнопленный».

Советская разведка, начиная с 12 мая, получала свою информацию о Гессе и его визитерах. Из материалов досье «Черная Берта» следует, что сообщения советской разведки в основном подтверждали официальное заявление британского правительства и, вместе с тем, содержат ряд невыясненных до настоящего времени обстоятельств.

Особое значение советское руководство придавало отношениям с Соединенными Штатами Америки как потенциальному союзнику.

Точкой отсчета можно считать письмо И. В. Сталина, направленное в ноябре 1939 г. президенту Ф. Д. Рузвельту, переданное полпредом СССР в США К. А. Уманским через государственного секретаря К. Хэлла, в котором выражалась надежда, что «общими усилиями может быть восстановлен мир». Полный текст послания не известен. По всей видимости, оно было оставлено без ответа, так как вскоре началась советско-финская война. Направляя это послание, Сталин, без сомнения, имел в виду беседу Рузвельта с Уманским 30 июня 1939 г., которая свидетельствовала о понимании президентом США нарастающей угрозы войны в Европе и на Дальнем Востоке, его стремлении объединить усилия неагрессивных стран, включая СССР, для борьбы с агрессорами. Уманский, в частности, сообщал Молотову: «Заявление, подробности которого доложу лично, в основном следующее: положение в Европе крайне опасное, сроки новой агрессии исчисляются неделями. Дальнейшая безнаказанная агрессия грозит экономическим, затем политическим закабалением всей нефашистской Европы. С закабалением прибалтов едва ли примирится СССР, с закабалением Англии и Франции не

могут примириться США. Он (Рузвельт. – *Авт.*) делает все в пределах возможного при данном составе конгресса, чтобы содействовать созданию демократического фронта, и готовит помощь жертвам агрессии. Он понимает причины нашего недоверия к нынешним правительствам Англии и Франции, сам не верит французам, особенно Бонне, но на основании сказанного ему в интимной беседе английским королем считает, что пути к дальнейшему «умиротворению» для Англии отрезаны. Шансы на то, что Польша будет драться за Данциг, по мнению Рузвельта, «два к одному» в пользу сопротивления. У англо-французов не может быть никаких сомнений в заинтересованности его, Рузвельта, в благоприятном завершении московских переговоров...

События на границе МНР, величайший воздушный бой в истории. Он не верит японским версиям, высоко оценивает нашу боеспособность. Он просит передать Сталину и Молотову, что на днях получил конфиденциальное письмо от весьма авторитетного японского деятеля, который четыре года назад был членом японского кабинета. Этот деятель предложил ему схему японо-американского сотрудничества «по эксплуатации богатств Восточной Сибири чуть ли не до Байкала». «Фантастично, но характерно для планов некоторых японских активистов, которые, несмотря на истощение Японии, не оставили мыслей об авантюрах в Вашем направлении». Он придает большое значение советско-американским отношениям в нынешней обстановке, считая, что для их развития следовало бы: «Во-первых, снять раз и навсегда вопрос о долгах, во-вторых, давать доказательства американскому общественному мнению, что СССР идет по пути демократизации и тем духовно приближается к США».

Война СССР с Финляндией резко обострила советско-американские отношения. США объявили «моральное эмбарго» – фактический запрет торговли с СССР, оказывали помощь Финляндии, активно поддерживали ее в международных делах. Однако дипломатические отношения США и СССР в этот период не были однозначно враждебными.

В дневнике В. М. Молотова содержится следующая запись его беседы с послом США в Москве Л. Штейнгардтом 1 февраля 1940 г., который, задав вопрос о перспективах урегулирования советско-финского конфликта, продолжал: «После революции Рузвельт – единственный президент, являющийся другом Советов: Вильсон, Гардинг, Кулидж, Гувер не были друзьями СССР и не хотели его признавать. Вопреки общественному мнению Рузвельт пошел на признание. За последнее время многие обращались к нему с требованиями порвать отношения с СССР, но он на это не пошел». В ответ на вопрос Штейнгардта об угрозе независимости Финляндии Молотов ответил, что он не хочет представить дело так, будто советское руководство опасалось нападения одной Финляндии, но «при развертывании европейской войны враждебная к СССР Финляндия могла бы стать опасным очагом войны». Он подчеркнул, что «в отношении независимости Финляндии у СССР не было и нет никаких претензий». В ходе этой беседы было названо имя Ю. Паасикиви как при определенных условиях приемлемого для СССР будущего премьер-министра Финляндии, что, в свою очередь, косвенно указывало на готовность прекращения деятельности сформированного в Москве «народного правительства» О. Куусинена, не получившего поддержки финской общественности. Это может свидетельствовать также о том, что советское руководство рассматривало США как реального и обладающего необходимым влиянием сторонника переговоров о прекращении войны.

Заключение мира с Финляндией, поражение Франции и англо-французской коалиции, изменившее соотношение сил на европейском континенте в пользу Германии, обострение американо-японских противоречий способствовали развитию позитивной тенденции в советско-американских отношениях.

В апреле 1940 г. начались регулярные встречи, а по существу – переговоры между США и СССР, которые с американской стороны преимущественно вел заместитель государствен-

ного секретаря США Уэллес, а с советской стороны К. А. Уманский. В Москве возникавшие вопросы обсуждали в основном В. М. Молотов и Л. Штейнгардт.

Главным камнем преткновения стала прибалтийская проблема. В Эстонии, Латвии и Литве под давлением Москвы к власти пришли промосковские правительства. В августе 1940 г. эти республики вошли в состав СССР. На их территории был создан Прибалтийский Особый военный округ. В отличие от Великобритании правительство США крайне отрицательно расценило эти события. Экономическое контрдавление в виде блокирования договорных поставок в СССР промышленного оборудования не могло принести и не принесло желаемых для США результатов. «Вот если бы СССР захотел купить в США 5 миллионов пальто, – заявил на одной из встреч с советскими представителями американский посол Л. Штейнгардт, – то он ручается, что Советский Союз получит эти вещи на следующий день». Министр финансов Г. Моргантау информировал К. А. Уманского, что «весь вопрос о военных заказах находится в руках госдепартамента, к которому и надо адресовать требования».

Л. Штейнгардт, убеждая советское руководство, что СССР своими действиями в Польше, Бессарабии и Прибалтике подорвал благожелательное к себе отношение американцев, в то же время подчеркивал, что после падения Франции произошла «коренная перемена во взглядах США на события в мире в сторону реализма и сложившаяся обстановка благоприятствует постановке вопроса об улучшении советско-американских отношений». Штейнгардт указал, что США «положительно решили вопросы о вывозе 70 % закупленного оборудования, фрахте американских судов для этой цели, высокооктановом бензине, продаже вагонных осей и ожидают, что СССР сделает что-либо для дальнейшего улучшения взаимоотношений».

СССР принял к сведению мнение правительства США о том, что Тройственный пакт, заключенный между Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г., усиливает опасность для стран, не участвующих в войне, и что американское правительство надеется, что страны, не входящие в Тройственный пакт, воздержатся от вступления в какое-либо соглашение с любым его участником. Учитывая предстоящие в начале ноября президентские выборы (Ф.Д. Рузвельт был избран на третий срок), советское руководство отказало настойчивым требованиям немецкой стороны опубликовать официальное сообщение о предстоящем визите Молотова в Берлин (11–13 ноября 1940 г.) до этих выборов и приняло неординарное по тем временам решение – сообщило в Вашингтон о своем согласии на открытие 15 декабря консульства США во Владивостоке, переговоры о котором велись по инициативе США уже длительное время. В условиях обострившихся американо-японских соглашений это был рискованный для СССР шаг в правильном направлении. «Важно отметить, – писал 5 декабря 1940 г. американскому послу в Японии госсекретарь США, – что почти одновременно с визитом (Молотова в Берлин. – *Авт.*) советское правительство начало действовать более разумно и доброжелательно в решении многих вопросов, касающихся отношений между американским и советским правительствами».

В наступившем 1941 г. советско-американские отношения медленно продолжали улучшаться. В первых числах января правительство США сообщило о своем согласии отменить «моральное эмбарго», а затем, 21 января, Уэллес в беседе с Уманским (это была их 15-я встреча) сделал важное заявление: «Если бы СССР оказался в положении сопротивления агрессору, то США оказали бы ему помощь». Такого рода заверения повторялись потом неоднократно. Был достигнут желательный для американской стороны компромисс в вопросе советско-германских торговых отношений. Позиция США, изложенная Штейнгардтом в беседе с заместителем наркома иностранных дел С. А. Лозовским, была следующей: «США помогают Англии, СССР помогает Германии, но США и СССР являются нейтральными державами, между ними нет никаких противоречий, которые толкали бы их к конфликту. Наоборот, имеются все возможности для дружеских отношений». Но в Госде-

партаменте считали необходимым, чтобы СССР дал публичное заверение, что продукция, закупленная в США, не поступит в Германию. 24 февраля 1941 г. Уэллес на очередной встрече с Уманским заявил: «Не считает ли советское правительство, что в интересах развития советско-американской торговли и с целью произвести благоприятный психологический эффект в США было бы целесообразно, чтобы Советское правительство в той или иной форме официально заявило, что товары, закупленные в США, предназначались исключительно для нужд СССР».

1 марта 1941 г. госдепартамент США выпустил пресс-релиз, в котором говорилось: «Входе продолжавшихся переговоров с заместителем государственного секретаря США Самнером Уэллесом советский посол Константин А. Уманский сделал сегодня по поручению своего правительства заявление, что товары, которые закупались и закупаются в Соединенных Штатах Союзом Советских Социалистических Республик, включая нефтепродукты и промышленное оборудование всех категорий, предназначаются исключительно для удовлетворения внутренних потребностей Союза Советских Социалистических Республик». И хотя такие конфликты продолжались, их время подходило к концу. В тот же день Уэллес сделал Уманскому заявление, которому американское правительство придавало характер исключительной важности. Он сообщил, что «по конфиденциальным сведениям, имеющимся в распоряжении американского правительства, в аутентичности которых у американского правительства нет ни малейших сомнений, германские военные планы заключаются в том, чтобы *после достижения победы над Англией*, несмотря на поддержку последней Соединенными Штатами, напасть на СССР, причем планы этого нападения разработаны германским командованием во всех деталях». Это сообщение было немедленно отправлено Уманским в Москву. По существу оно являлось дезориентирующим: Германия завершала подготовку к нападению на СССР.

История с конфиденциальными сведениями Уэллеса на этом не заканчивается. В тот же день, 1 марта, они были направлены Госдепартаментом послу США в Москве с указанием срочно в устном порядке сообщить их Молотову. Их текст заметно отличался: вместо слов «после победы над Англией» значилось: «*в недалеком будущем*». Штейнгардт выразил Хэллу сомнение в целесообразности передачи этих сведений советскому правительству, в частности на том основании, что это ускорит заключение политического соглашения СССР и Японии. Но Хэлл 4 марта ответил Штейнгардту, что эти сведения уже сообщены 1 марта Уманскому.

В Москве действительно ожидался приезд министра иностранных дел Японии Е. Мацуока, и 13 апреля 1941 г. был подписан советско-японский пакт о нейтралитете. Вскоре после этого Штейнгардт дипломатично заявил Лозовскому: «По мнению Соединенных Штатов, японцы не имеют намерения проводить агрессию в южном направлении, и сам Мацуока заявил категорически об этом. Это было бы сумасшествием... Он, Штейнгардт, также не считает, что пакт о нейтралитете между СССР и Японией направлен против Соединенных Штатов. В действительности этот пакт является еще одним актом к сохранению мира на Тихом океане». В США понимали, что СССР остается серьезной противодействующей Японией силой на Дальнем Востоке, учитывали это в своей политике. Постепенно и в американском общественном мнении стало меняться отношение «к загадочному русскому сфинксу».

Позитивные результаты в ходе советско-американских переговоров этого периода достигались с большим трудом, осложнялись взаимными, подчас необоснованными претензиями, отношения во многом оставались натянутыми, но тенденция к сближению, обусловленная нараставшей угрозой агрессии как против СССР, так и против США, все же прокладывала дорогу. Большая заслуга в этом принадлежала Рузвельту. «Он уже давно склонялся к мнению, – пишет американский историк У. Кимболл, – что политика Советского Союза носит скорее не коммунистический, а националистический характер, более прагма-

тична, нежели идеологизирована. Вследствие этого он отклонял аргументы Буллита и прислушивался к мнению Джозефа Дэвиса, который сменил Буллита на посту посла в Москве. Нацистско-советский пакт и советское нападение на Финляндию, вызвавшие возмущение президента, были интерпретированы Белым домом как следствие скорее советских опасений германской агрессии, нежели коммунистической экспансии».

Надо сказать, что некоторые оценки Л. Штейнгардтом международного положения и политики СССР, несмотря на неприятие советского режима, помогали Рузвельту объективнее разобраться в обстановке. «Основная ошибка союзной, а затем и английской дипломатии, – писал Штейнгардт 2 октября 1940 г. в Вашингтон, – заключалась в том, что она была постоянно направлена на то, чтобы попытаться побудить Советский Союз предпринять определенные действия, которые если и не привели бы к военному конфликту с Германией, то повлекли за собой настоящий риск возникновения такого конфликта». И далее: «Если говорить о советской политике, как я ее понимаю, то она направлена на то, чтобы избежать войны, и, конечно, чем дальше удастся предотвратить нападение Германии и Японии, вовлеченных где бы то ни было в большие войны, тем успешнее будет собственное сопротивление». О «тупом упорстве» Уэллеса говорил Штейнгардт на одной из бесед с советскими дипломатами.

Реалистичной была оценка расстановки сил в американской политике и у советской дипломатии. Однако ей не хватало гибкости. Уманский и Уэллес не нашли общего языка, не доверяли друг другу, что осложняло обстановку на переговорах. Уманский сообщал в Москву, что, по его мнению, Уэллес «тяготеет к более враждебному нам лагерю... Он занимает как бы центристское положение между сторонниками сближения типа Икеса, Моргентау, Гопкинса и обозленной антисоветской кликой буллитовской масти». Но все это имело второстепенное значение. Главное, что ко времени нападения Германии на СССР Рузвельт и Черчилль пришли к общему решению: Великобритания и США поддержат СССР в борьбе против нацистской агрессии. 22 июня, в день нападения Германии на СССР, первым объявил об этом по радио У. Черчилль, 24 июня – Ф. Рузвельт, который заявил на пресс-конференции: «Разумеется, мы собираемся предоставить России всю ту помощь, которую мы сможем». Советская дипломатия и разведка добились максимума в «искусстве возможного», обеспечили достижимые в той обстановке внешнеполитические условия для отражения германской агрессии.

* * *

Возвращаясь к версии о виновности СССР во Второй мировой войне, напомним, что вскоре после войны ее принялись разрабатывать при поддержке некоторых немецких парламентариев бывшие гитлеровские генералы и первое поколение историков – неонацистов (Г. Бреннеке, У. Валенди, В. Мазер, У. Хельдмах и др.)

На этот раз «единого фронта» у европейских парламентариев и историков не получилось. На Западе всегда была влиятельной группа ученых, которая сторонилась заказных официозных оценок, придерживалась самостоятельного и объективного взгляда на события. Один из таких британских авторов С. Милайн опубликовал в газете «Гардиан» 9 сентября 2009 г. статью, название которой отражает ее содержание: «Это переписывание истории отравляет атмосферу в Европе. Обвинение СССР в [развязывании] Второй мировой войны не только бессмысленно, но и воодушевляет сторонников нацистского наследия времен войны». Он пишет, что «до сих пор» ответственность за войну «возлагалась на Гитлера и нацистский режим геноцида». Но сторонники «возродившегося правого национализма в Восточной Европе и истерического ревизионизма сравнивают нацизм с коммунизмом». С. Милайн заключает: «Советский Союз внес решающий военный вклад в поражение Гитлера

ценой 25 миллионов жизней, поэтому неудивительно то возмущение, с которым русские встретили подобные обвинения».

Резолюция ОБСЕ связана с развернувшейся на Западе кампанией пересмотра оценок антигитлеровской коалиции, попыток представить ее как «ошибку истории», «противоестественный союз», отлучить нашу страну от Победы и изобразить как решающий вклад в нее западных союзников. Дискредитируются решения «Большой тройки», усилилась критика лично Рузвельта и Черчилля за «промахи» в отношениях с СССР, не говоря уже о Сталине, за которым, оказывается, стояли некие «черные силы, направлявшие его злодеяния». Бойцов Красной Армии, освободителей Европы, которых встречали цветами и со слезами радости сотни тысяч жителей многих стран, изображают уродами и насильниками. Включились в эту постыдную кампанию политические деятели крупного калибра. Среди них Дж. Буш, в то время президент США. Выступая в Латвии, он осудил «в одной корзине» мюнхенскую политику, советско-германский договор о ненападении и ялтинские соглашения. Все это происходит в наше время.

НА ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

Германская агрессия против Советского Союза начала готовиться еще в середине 30-х годов. Война против Польши, а затем кампании в Северной и Западной Европе временно переключили немецкую штабную мысль на другие проблемы. Но и тогда подготовка войны против СССР оставалась в поле зрения гитлеровцев. Она активизировалась после разгрома Франции, когда, по мнению фашистского руководства, был обеспечен тыл будущей войны и в распоряжении Германии оказалось достаточно ресурсов для ее ведения.

18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву № 21 под условным наименованием «Барбаросса», содержащую общий замысел ведения войны против СССР. Стратегической основой плана являлась теория блицкрига – молниеносной войны. Предусматривался разгром Советского Союза максимум в течение пяти месяцев, еще до того, как будет закончена война против Великобритании. Главными стратегическими объектами были признаны Ленинград, Москва, Центральный промышленный район и Донецкий угольный бассейн.

Для ведения войны против СССР была создана агрессивная военная коалиция, основой которой стал пакт трех держав, заключенный в сентябре 1940 г. между Германией, Италией и Японией. К активному участию в агрессии привлекались Румыния, Финляндия, Венгрия. Гитлеровцам оказывали помощь правящие круги Болгарии, а также «независимых» государств Словакии и Хорватии. С нацистской Германией сотрудничали Испания, вишистская Франция, Португалия, Турция. Гитлеровцы интенсивно использовали экономические и людские ресурсы захваченных и оккупированных стран, их интересам во многом была подчинена экономика и таких нейтральных государств, как Швеция и Швейцария.

К этому времени агрессоры захватили 12 стран Европы: Австрию, Чехословакию, Албанию, Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург, Францию, Югославию, Грецию. Вермахт находился в зените зловещих побед.

Германское руководство было настолько уверено в успехе плана «Барбаросса», что примерно с весны 1941 г. приступило к детальной разработке дальнейших замыслов завоевания мирового господства. В специальных штабных поездках вычерчивались направления ударов фашистских армий, опоясавшие земной шар. В служебном дневнике верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) за 17 февраля 1941 г. изложено указание Гитлера о том, что после окончания восточной кампании необходимо предусмотреть захват Афганистана и организацию наступления на Индию. Исходя из этих указаний, штаб ОКВ начал планирование операций вермахта на будущее. Эти операции намечалось провести поздней осенью 1941 г. и зимой 1941/42 г. Замысел их был изложен в проекте директивы № 32 от 11 июня 1941 г. «Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса», разосланном командованию сухопутных войск (ОКХ), военно-воздушных сил (ОКЛ) и военно-морских сил (ОКМ).

Планировалось уже осенью 1941 г. приступить к завоеванию Ирана, Ирака, Египта, района Суэцкого канала, а затем и Индии, где намечалось соединение с японскими войсками. Немецкое руководство рассчитывало, используя Испанию и Португалию, быстро захватить Гибралтар, отрезать Великобританию от ее сырьевых источников и предпринять осаду Британских островов.

Разработка директивы № 32 и других документов свидетельствует о том, что после разгрома СССР и решения «английской проблемы» гитлеровцы намеревались в союзе с Японией вторгнуться на Американский континент.

Ключевые позиции для порабощения мира, как представлялось агрессорам, давал «молниеносный» поход против СССР. Относительно исхода у них не возникало сомнений. Гитлеровский генерал Г. Блюментрит писал в докладе, подготовленном к совещанию выс-

шего руководства сухопутных войск 9 мая 1941 г.: «История всех войн с участием русских показывает, что русский боец стоек, невосприимчив к плохой погоде, очень нетребователен, не боится ни крови, ни потерь. Поэтому все сражения от Фридриха Великого до мировой войны были кровопролитными. Несмотря на эти качества войск, русская империя никогда не добивалась победы. В настоящее время мы располагаем большим численным превосходством... Наши войска превосходят русских по боевому опыту... Нам предстоят упорные бои в течение 8–14 дней, а затем успех не заставит себя ждать, и мы победим». Предостережения во внимание не принимались.

Было ли для Советского Союза внезапным нападение Германии и ее союзников? В условиях нараставшей угрозы войны страна, армия, народ настойчиво готовились к защите. Интенсивный рост промышленного производства за годы пятилеток создавал необходимые основы для развития опережающими темпами военной экономики. Материальное обеспечение армии и флота, удовлетворение их потребностей в оружии и боеприпасах осуществлялись не только оборонными предприятиями, но и постепенным включением к концу 30-х годов в военное производство гражданских отраслей, созданием дублирующих предприятий оборонной отрасли на востоке страны. Отставание в технической оснащенности Красной Армии было наиболее трудноразрешимой проблемой, что связано с общим превосходством экономического потенциала Германии, включая качественную структуру станочного парка, преимущество в использовании сырьевых ресурсов и по многим другим показателям. Так, по выплавке стали, чугуна, добыче угля, производству электроэнергии и цемента Германия вместе с оккупированными ею странами превосходила СССР примерно в два и более раза.

Производство военной продукции постоянно находилось в центре внимания Коммунистической партии и советского правительства. Ценой исключительного трудового напряжения всего народа СССР постепенно достиг, а затем, в 1940-м – первой половине 1941 г., превзошел Германию по количественному производству основных видов оружия и военной техники (самолетов, танков, орудий и минометов). Ряд образцов военной техники превосходил технику противника и оказался лучшим на протяжении всей войны. Однако в целом разрыв в уровне развития науки и техники, качестве вооружения преодолеть не удалось, несмотря на усилия ученых, конструкторов и их неоспоримые достижения во многих отраслях. Как следствие – значительная часть вооружения по своим тактико-техническим данным уступала немецкому (по самолетом на 75–80 %). Отставало развитие стрелкового оружия (автоматов), зенитной артиллерии и особенно радиосвязи. Флот испытывал острый недостаток в тральщиках, охотниках за подводными лодками, не имел контактных мин и т. д.

Несомненно, руководство СССР прилагало большие усилия для перестройки экономики применительно к требованиям надвигающейся войны, материального обеспечения вооруженных сил, совершенствования их боевой подготовки. Численность Красной Армии и Военно-морского флота значительно возросла (с 1,9 млн. человек в 1939 г. до 4,9 млн. на 1 июня 1941 г.). Однако быстрый рост новых формирований происходил без должного учета реальных возможностей в снабжении их вооружением, боеприпасами, средствами связи, автотранспортом. Это в особенности касалось танковых частей и средств ПВО. Так, к началу войны для укомплектования новых танковых и мехсоединений не хватало 12,5 тыс. средних и тяжелых танков, 43 тыс. тракторов, 300 тыс. автомобилей. По этой же причине весьма низкой оставалась боеспособность механизированных корпусов западных военных округов, принявших на себя главный удар противника.

Если в экономике военное производство, в том числе новейших конструкций танков, самолетов, артиллерии, постепенно набирало темпы (немалое значение для освоения западных технологий имела для СССР закупка некоторых видов вооружения, в первую очередь новейших самолетов в Германии в обмен на поставки зерна, нефти, некоторых других видов сырья), то общее состояние вооруженных сил определялось незавершенностью работы как

по их техническому оснащению, развертыванию, организационному совершенствованию, так и обучению. Это в той или иной степени касалось всех видов вооруженных сил.

Разработанные Генеральным штабом РККА и утвержденные 14 октября 1940 г. правительством «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940–1941 годы» реалистично оценивали сложившуюся обстановку. В них делался следующий вывод о противниках СССР: «Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на Востоке против Японии, как открытого противника или противника, занимающего позиции вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение».

Важнейшей задачей политической и военной стратегии в этих условиях являлось укрепление обороны страны и ее вооруженных сил. В то же время советское руководство стремилось дипломатическими и другими средствами на максимально возможный срок отодвинуть вовлечение страны в войну, найти союзников и разобщить противников.

Но на международной арене антагонизм между двумя государственными системами – западными демократиями и социалистической Россией – воспрепятствовал в 30-е годы созданию коалиции, способной предотвратить войну, сдержать агрессоров. Необоснованные репрессии внутри страны ослабляли настойчивые усилия, которые предпринимались для укрепления ее обороны. Еще не подготовленный к войне Советский Союз вынужден был в июне 1941 г. противостоять мощнейшему противнику в лице Германии, силы которой резко выросли в результате уже достигнутых завоеваний и созданного в 1940 г. военного блока агрессоров.

Следует констатировать, что политическое и военное руководство СССР не сумело выработать реалистический план ведения войны. Следует ли наносить упреждающий удар по противнику и существуют ли возможности для такого удара? Каковы будут рубежи обороны и действия войск в случае внезапного нападения и наступления противника в глубь территории страны?

Вероятность отступления далее ослабленной линии укреплений на старой границе, вопрос о последующих рубежах обороны, насколько об этом можно судить по доступным к настоящему времени документам, только начали разрабатываться. Выводы по итогам войны с Финляндией, обнажившей провалы стратегического и политического характера, крупные недостатки в боевой подготовке и материальном обеспечении войск, реализовывались медленно.

В сложившейся обстановке разгром вермахтом летом 1940 г. в быстрой кампании французской армии, а фактически всех сил англо-французской коалиции на Европейском континенте явился фактором стратегической внезапности. Расчеты на затяжную для Германии войну на Западе рухнули. Соотношение сил резко изменилось в пользу агрессоров. Время подготовки страны к обороне оказалось сжатым до предела. Массированное применение противником танков и авиации требовало коренного пересмотра многих устоявшихся положений стратегии, оперативного искусства и тактики, обеспечения войск новыми видами боевой техники, транспортом, материальной и морально-психологической подготовки личного состава к ведению войны в несравненно более сложных условиях, нежели в Монголии и Финляндии. Трудно объяснить в этой связи заявление наркома обороны С. Тимошенко на совещании высшего руководящего состава РККА (21–30 декабря 1940 г.) о том, что «в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового». «Сейчас уже не секрет, – отмечает в своих ранее не публиковавшихся воспоминаниях Адмирал Флота Советского Союза Н. Кузнецов, хорошо знавший обстановку того времени, – что, разбирая первые дни и часы войны, мы видим, как, кроме ошибок со стороны главы пра-

вительства, ошибок прежде всего политического порядка, были также крупные ошибки со стороны нас, военных».

Далеко идущие негативные последствия имели и завышенные оценки возможностей своих войск и недооценка противника. 28 декабря 1940 г. командующий Западным особым военным округом генерал армии Д. Павлов, войска которого противостояли вермахту на направлении главного удара, утверждал, что советский танковый корпус способен решить задачу уничтожения одной-двух танковых или четырех-пяти пехотных дивизий противника. 13 января 1941 г. на совещании в Кремле с участием высшего командного и политического состава Вооруженных сил СССР начальник Генерального штаба генерал армии К. Мерецков сделал следующее заявление: «При разработке Устава мы исходили из того, что наша дивизия значительно сильнее дивизии немецко-фашистской армии и что во встречном бою она, безусловно, разобьет немецкую дивизию. В обороне же одна наша дивизия отразит удар двухтрех дивизий противника».

В этих условиях запоздалое развертывание и приведение в боевую готовность войск прикрытия, вынужденный переход к неподготовленной стратегической обороне и морально-психологическая внезапность мощнейшего удара вермахта заведомо ставили действующую армию в критическое положение.

Между тем моральный потенциал советского народа и армии, несмотря на материальные трудности жизни, был в целом высоким. Большинство советских людей, воинов Красной Армии гордились своей страной, были уверены в неминуемом разгроме врага «малой кровью, могучим ударом». В предвоенные годы эта тема стала главной в большинстве произведений литературы и искусства, доминировала в пропаганде. Основой морального потенциала народа и армии являлись патриотизм, дружба народов и вера в превосходство социализма как экономической и политической системы устройства общества. Существенную роль в поддержании этого потенциала играли и жесткая государственная, идеологическая и воинская дисциплина.

То, что вооруженная схватка неизбежна, понимали многие. Тем не менее для армии и народа война оказалась во многом неожиданной. Войска западных округов, как уже было сказано, не были своевременно приведены в боевую готовность. Надеялись, что Германия еще будет соблюдать договор о ненападении, полагая, что война на два фронта для нее невысказана. В результате обсуждения конкретных мер, вызванных нараставшей угрозой немецкого нападения, возобладала точка зрения Сталина, его уверенность в том, что Германию удастся удержать на какое-то время от войны дипломатическими акциями, которые реализовывались. Такого рода решения, как подписание с Германией секретного протокола о продаже Советскому Союзу участка территории в районе Сувалок за 7 млн. золотых долл. (10 января 1941 г.), известное заявление ТАСС о беспочвенности слухов о возможной войне между СССР и Германией (14 июня 1941 г.), согласие правительства СССР на поставку Германии зерна через Румынию (21 июня 1941 г.), планов Германии не изменили. В то же время неадекватные оценки сведений разведки, прогнозов, в том числе ошибочных, поступавших из посольств, затрудняли анализ и без того сложной обстановки, препятствовали раскрытию главной цели дезинформационной деятельности нацистских спецслужб – достигнуть внезапности первого удара вермахта.

Но очевидно и то, что к началу Великой Отечественной войны расстановка сил в мире сложилась таким образом, что возникла реальная перспектива объединения усилий СССР, Великобритании и США в борьбе против блока агрессоров. Интенсивные британо-советские и советско-американские переговоры велись с осени 1939 г. и в значительной степени способствовали созданию союза трех великих держав после нападения Германии на СССР...

В воскресенье 22 июня 1941 г. фашистская Германия и ее союзники обрушили на нашу страну удар невиданной в истории армии вторжения: 190 дивизий, более 4 тыс. тан-

ков, 47 тыс. орудий и минометов, около 4,5 тыс. самолетов, до 200 кораблей (в первом эшелоне действовали 105 дивизий противника). На решающих направлениях своего наступления агрессор имел значительное превосходство в силах. Началась Великая Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков. Она длилась 1418 дней и ночей. Развернулись гигантские сражения, в которых с обеих сторон участвовали до 10 и более миллионов человек, использовались сотни миллионов единиц вооружения и боевой техники.

Война фашистской Германии и ее союзников против СССР носила особый характер. Германский нацизм стремился не только захватить территорию СССР, но и уничтожить наше государство.

Советский Союз должен был быть расчленен и ликвидирован. На его территории предполагалось образовать четыре рейхскомиссариата – германские провинции. Москву, Ленинград, Киев и ряд других городов намеревались взорвать, затопить и полностью стереть с лица земли. Нацистское руководство требовало беспощадного уничтожения не только воинов Красной Армии, но и гражданского населения. Преследовалась цель массового истребления целых народов, объявленных нацистами «недочеловеками». Британский историк А. Буллок справедливо пишет: «В любой войне таких масштабов и такой напряженности, как в России, неизбежны жестокости с обеих сторон, но если и это принять во внимание, то масштабы бесчеловечности с немецкой стороны очевидны и они прямо проистекают из расистских убеждений Гитлера... Он считал, что немцы не только превосходят народы Восточной Европы, но что пропасть, разделяющая их со славянами и особенно с евреями, не только результат различий в культуре и историческом наследии, но и в биологическом несоответствии. Это существа иного порядка, не принадлежащие к человеческой расе». Расистские догмы и захватнические цели нацистов слились воедино в стратегии, политике и методах ведения войны.

Планом «Барбаросса» предусматривалось внезапное нанесение нескольких мощных ударов крупными силами танковых, механизированных войск и авиации с целью разобщить, окружить и уничтожить главные силы Красной Армии, находившиеся в западной части СССР, последующее стремительное продвижение в глубь страны и выход на линию Архангельск – Куйбышев – Астрахань.

Группа армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. Лееб) в составе 16-й и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы (всего 29 дивизий), развернутая в Восточной Пруссии, получила задачу при поддержке 1-го воздушного флота разгромить советские войска в Прибалтике и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить советский флот опорных баз.

Группа армий «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал Ф. Бок), сосредоточенная на главном, московском направлении, в составе 4-й и 9-й полевых армий, 2-й и 3-й танковых групп (всего 50 дивизий и 2 бригады) должна была при поддержке 2-го воздушного флота рассечь фронт советской обороны, окружить и уничтожить войска Красной Армии в Белоруссии и развивать наступление на Москву.

На киевском направлении была развернута группа армий «Юг» (командующий генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт), состоявшая из 6, 17, 11-й полевых немецких, 3-й и 4-й румынских армий, 1-й танковой группы и венгерского корпуса (всего 57 дивизий и 13 бригад). Ей предстояло при поддержке 4-го воздушного флота и румынской авиации уничтожить советские войска на Правобережной Украине, выйти на Днепр и развивать наступление на восток.

На территории Норвегии и Финляндии были развернуты немецкая армия «Норвегия» и 2 финские армии – всего 21 дивизия и 3 бригады, поддерживаемые 5-м немецким воздушным флотом и финской авиацией. Армия «Норвегия» должна была овладеть Мурманском и Полярным, а финские войска – содействовать группе армий «Север» в захвате Ленинграда.

Им противостояли на территории западных приграничных военных округов (Прибалтийского, Западного и Киевского особых, Ленинградского и Одесского) 170 дивизий (103 стрелковых, 40 танковых, 20 моторизованных, 7 кавалерийских) и 2 бригады. Эта группировка советских войск насчитывала 2680 тыс. человек, 37,5 тыс. орудий и минометов (без 50-мм), 1475 танков новых типов (КВ и Т-34), 1540 боевых самолетов новых типов при общем превосходстве в количестве танков и самолетов над противником.

Первые месяцы войны были наиболее тяжелыми и трагическими для Красной Армии, всей страны. Западные границы прикрывали войска следующих фронтов, преобразованных 22–25 июня 1941 г. из военных округов: Северного (командующий генерал-лейтенант М. Попов), Северо-Западного (командующий генерал-полковник Ф. Кузнецов), Западного (командующий генерал армии Д. Павлов), Юго-Западного (командующий генерал-полковник М. Кирпонос) и Южного (командующий генерал армии И. Тюленев). Морские границы прикрывали флоты: Северный (командующий контр-адмирал А. Головкин), Балтийский (командующий вице-адмирал В. Трибуц) и Черноморский (командующий вице-адмирал Ф. Октябрьский).

22 июня 1941 г. первыми приняли на себя удары противника советские пограничники и передовые части войск прикрытия, ПВО армии и флота. Отражая превосходящие силы врага, личный состав многих пограничных застав полностью погиб. Войска прикрытия, которые с ходу вводились в сражения, несли большие потери. Многие авиационные части были уничтожены или выведены из строя на своих аэродромах, что позволило противнику захватить господство в воздухе. Контрудары на шауляйском и гродненском направлениях успеха не принесли. 23–29 июня контрудар Юго-Западного фронта и развернувшееся танковое сражение воспрепятствовали попыткам противника с ходу прорваться к Киеву. Однако в целом войска прикрытия, несмотря на героическое сопротивление, не смогли сдержать наступление противника в приграничной зоне на всех трех направлениях. 11 дивизий Западного фронта были окружены между Белостоком и Минском, где вели бои до 8 июля. Тяжелое положение, сложившееся на Западном фронте, объяснялось еще и тем, что, по предвоенной оценке, наиболее опасным считалось юго-западное (южнее Полесья) направление. Фактически противник наносил главный удар на Смоленск и Москву, что давало ему возможность глубокого охвата советских войск в районах Львова и Белостока.

В результате неблагоприятного для Советского Союза исхода приграничных сражений немецко-фашистские войска в короткие сроки продвинулись в северо-западном направлении на 400–450 км, в западном – на 450–600 км, в юго-западном – на 300–350 км, захватили почти всю Белоруссию и Молдавию, вторглись на территорию РСФСР, вышли на дальние подступы к Ленинграду, угрожали Смоленску и Киеву. Над страной нависла смертельная опасность.

Со стратегической точки зрения, по существу, повторилось то, что удалось осуществить вермахту в 1940 г. в Западной Европе, а затем, в конце 1941 – начале 1942 г. – японским войскам на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, однако территория Соединенных Штатов оставалась вне досягаемости противника.

Советским правительством прилагался максимум усилий для организации отпора захватчикам. Программу чрезвычайных мер содержала Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Все для фронта, все для победы» – такова была ее главная идея, изложенная затем в выступлении И.В. Сталина по радио 3 июля. В нем выражалась уверенность, что справедливая борьба советского народа за свободу своего Отечества завершится разгромом агрессоров, «согнется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы».

23 июня была образована Ставка Главного Командования (с 10 июля Ставка Верховного Командования, с 8 августа – Ставка Верховного Главнокомандования) – высший орган

стратегического руководства вооруженными силами. Вся полнота власти в стране сосредоточивалась в руках образованного 30 июня Государственного Комитета Обороны (ГКО). Председателем ГКО, а затем и Верховным Главнокомандующим Вооруженными силами СССР (с 8 августа) был назначен И. Сталин.

Красная Армия отступала. 10 июля началась битва за Ленинград, которая сковала крупные силы немецко-фашистских войск и финскую армию. В Смоленском сражении (10 июля – 10 сентября 1941 г.), развернувшемся на фронте до 650 км и в глубину до 250 км, наступление противника на Москву было приостановлено, но лишь временно. Войска Юго-Западного и Южного фронтов с боями оставили Киев, Одессу, затем западные районы Донбасса. Противник ворвался в Крым, подошел вплотную к Севастополю, в ноябре достиг Ростова-на-Дону.

Потери советских войск были огромны. Ориентировочно уже в первый месяц войны потери составили 1 млн. человек, из них убитыми и умершими от ран 300 тыс., 700 тыс. пленными. В сентябре на Левобережной Украине попали в плен 650 тыс. человек и позднее в боях под Брянском и Вязьмой еще 600 тыс. С июня по декабрь 1941 г. Красная Армия и Военно-Морской флот потеряли убитыми, умершими от ран, оказавшимися в плену и пропавшими без вести 3138 тыс. человек; ранеными, контуженными, заболевшими 1336 тыс. человек; лишились более 6 млн. единиц стрелкового оружия, 20 тыс. танков и САУ, 100 тыс. орудий и минометов, 10 тыс. самолетов. Территория СССР, занятая вермахтом, превысила 1,5 млн. кв. км, что в три раза больше, чем территория Франции.

Ставка ВГК, командование фронтов, военачальники и командиры разных степеней учились искусству ведения войны в крайне сложной обстановке, допуская порой почти неизбежные ошибки. Стойкая оборона Бреста, Лиепай, Таллина, Могилева, Ленинграда, Киева, Одессы, Севастополя, Смоленска и другие сражения способствовали срыву гитлеровского плана молниеносной войны. Но в начале октября 1941 г. стратегический фронт на главном, московском, направлении оказался прорванным. 20 октября Москва и прилегающие к городу районы были объявлены на осадном положении. Обстановка достигла критического рубежа, когда противник форсировал канал Москва – Волга и на одном из северо-западных участков фронта прорвался к пригороду советской столицы.

Однако постепенно в развернувшейся до крайнего ожесточения борьбе все большее значение приобретали твердость духа советского народа и его самоотверженность на фронте и в тылу, превосходящие материальные возможности страны. Сотни тысяч участвовали в развернувшейся партизанской и подпольной борьбе, организованной в оккупированных врагом районах. Только в Подмосковье в 1941 г. действовали 41 партизанский отряд и 377 диверсионных групп.

С каждым месяцем сопротивление советских войск усиливалось, совершенствовалось искусство организации оборонительных действий. Это лишало врага возможности вести наступление в запланированных им темпах. Если первые три недели войны фашистские войска продвигались в среднем по 20–30 км в сутки, то с середины июля по 7 августа этот темп снизился до 3,5–8,5 км в сутки. Еще в сентябре враг был остановлен у стен Ленинграда, в ноябре – у Ростова-на-Дону, а в начале декабря – под Москвой.

Входе стратегической обороны Красная Армия нанесла врагу огромный урон. Только сухопутные войска вермахта с июня по ноябрь 1941 г. потеряли на советско-германском фронте убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше 750 тыс. человек. Значительными были немецкие потери в танках, авиации, артиллерии и других видах вооружения.

БИТВА ПОД МОСКВОЙ

С первых дней Великой Отечественной войны наиболее опасное направление германского удара против СССР обозначилось на центральном – московском направлении. Несмотря на то что по плану «Барбаросса» немецкие войска должны были в первую очередь овладеть Ленинградом и лишь затем наступать на Москву, решающие сражения развернулись именно здесь – вдоль кратчайшего пути от Бреста до советской столицы.

Первоначальный успех германского оружия был предопределен мощью наступавшей здесь группировки вермахта – группы арий «Центр» (командующий фельдмаршал фон Бок), имевшей в своем составе около 1600 танков и более 1670 единиц самолетов. И хотя по танкам советские войска превосходили противника более чем в 2,5 раза, они уступали ему в качестве бронированных машин и подготовке экипажей. Более того, в первые дни войны на аэродромах и в воздушных боях было уничтожено свыше тысячи советских самолетов, что предопределило полное превосходство немцев в воздухе и беспрепятственное движение германских моторизованных колонн на восток.

Успех вермахта в таком масштабе стал бы невозможен, если бы немецкие солдаты не прошли до этого хорошую школу большой европейской войны. За их плечами лежали покоренные Франция, Бельгия, Норвегия, Югославия, Греция. Их вели в бой опытные военачальники: фельдмаршал фон Бок, чьи стратегические способности высоко оценивали все его приближенные; генерал Г. Гудериан – ведущий теоретик танковой войны и боевого использования бронированных машин; фельдмаршал фон Клюге – мастер современного боя с применением крупных пехотных соединений. Им противостояли порой отчаянно смелые, но недостаточно опытные командиры Красной Армии. Такими были командующий Западным фронтом генерал Д. Павлов, его начальник штаба генерал В. Климовских, командующие 3, 4-й и 10-й армиями фронта генералы В. Кузнецов, А. Коробков и К. Голубев.

Логика любой войны такова, что побеждает сильнейший. Всего за несколько дней июня 1941 г. немцам удалось на центральном направлении полностью уничтожить 3-ю и 10-ю советские армии и разгромить 4-ю армию. В начале июля 1941 г. генералы Павлов, Климовских, Коробков и несколько других были вызваны в Кремль, арестованы и преданы военному трибуналу. Приговор был суровый – расстрел.

Успехи в приграничных сражениях позволили германскому командованию надеяться на безостановочное продвижение вперед и быстрый захват советской столицы, не считаясь с положением на флангах советско-германского фронта. Действительно, практически все кадровые формирования Красной Армии были уничтожены еще западнее старой границы СССР 1939 г. Впереди, по мнению Гудериана, открывалось свободное оперативное пространство. Но именно в этот момент сказались просчеты гитлеровского руководства. План молниеносной войны стал давать сбои. Дело в том, что в это время к Смоленску стали подтягиваться свежие советские дивизии, переброшенные из восточных регионов СССР, в том числе с Дальнего Востока. Полным ходом шла мобилизация резервистов для формирования новых частей. Командование Западного стратегического направления возглавил бывший нарком обороны Советского Союза маршал С. Тимошенко – опытный военачальник, герой финской войны; именно под его началом проводились столь необходимые реформы Красной Армии в предвоенный период, которые, однако, не были полностью завершены. Среди командующих новыми армиями и корпусами были и будущие выдающиеся полководцы; маршалы И. Конев, К. Рокоссовский и другие. В их действиях присутствовала решительность и огромное желание овладеть опытом современной войны. Такая возможность им вскоре представилась в ходе гигантского Смоленского сражения (июль – сентябрь 1941 г.).

Первой неожиданностью для командования вермахта стал тот факт, что немецкие соединения, дойдя Смоленска, не получили на востоке, как это ожидалось, свободного оперативного пространства. Со всех сторон они подвергались непрерывным советским контратакам. В глубине обороны Красной Армии строились все новые и новые укрепления. Моральное состояние красноармейцев, несмотря на все неудачи, оставалось высоким. Да, тысячи и тысячи бойцов продолжали сдаваться в плен, но шок от первых немецких ударов постепенно проходил. Теперь многие немецкие части отмечали: русские сражаются не так, как солдаты западных армий, большинство из них борются до последнего патрона и часто выбирают смерть, чем сдачу в германский плен.

Развернувшиеся под Смоленском сражения не позволили германскому командованию перебросить крупные силы на север, под Ленинград, как это предусматривалось еще до войны. Более того, положение на флангах стало вскоре основной головной болью Гитлера и его ближайшего окружения – В. Кейтеля, А. Йодля, В. Браухича, Ф. Гальдера. Войска Северо-Западного стратегического направления под командованием маршала К. Ворошилова навязали немецкой группе армий «Север» тяжелые бои на Лужском рубеже (северо-восточнее Чудского озера), а войска Юго-Западного стратегического направления под командованием маршала С. Буденного сдерживали группу армий «Юг» западнее Киева, не давая германским силам форсировать р. Днепр. Теперь даже неискушенному в военном деле человеку было понятно, что дальнейшее наступление вермахта в направлении Москвы связано с большим риском. Советские части могли ударить по флангам группы армий «Центр», отрезать ее передовые соединения от главных сил.

Гитлер решил не рисковать. В своей директиве от 21 августа 1941 г. он приказал направиться вначале с советскими войсками, обороняющими Киев, захватить Крым и Донбасс и лишь затем наступать на Москву. Германские войска теряли время, но взамен получали безопасный фланг для дальнейшего удара по советской столице. Нельзя сказать, что Ставка Верховного Главнокомандования во главе со Сталиным не видела такой потенциальной опасности. Генерал армии Г. Жуков, бывший в начальный период войны начальником Генерального штаба, еще в июле предупреждал Сталина о возможном окружении советских войск под Киевом. Но все его уговоры оказались тщетными. Верховный стоял за прочную оборону столицы Советской Украины. Жуков был снят со своего поста и назначен руководить Резервным фронтом. Ему предстояло освободить г. Ельня, ликвидировать опасный выступ в сторону советской обороны на московском направлении.

Что стояло за нежеланием Сталина эвакуировать Киев? Принято считать, что в своем решении он исходил из обещания, данного представителям правительств Великобритании и США, о том, что к началу зимы советско-германский фронт будет проходить примерно по линии юго-западнее Ленинграда, немного восточнее Смоленска, западнее Киева. Однако нельзя сбрасывать со счетов и того факта, что большинство командиров Красной Армии в то время просто не имели опыта ведения крупных оборонительных операций. Только в полосе Юго-Западного фронта, который нес ответственность за оборону Киева, в конце июля – начале августа 1941 г. были окружены и уничтожены в Уманском котле 6-я и 12-я советские армии. Гарантии того, что части Киевского укрепленного района не постигнет также участь в случае их отступления за Днепр от столицы Украины, отнюдь не было. Кроме того, отдать врагу Киев означало «самоликвидировать» угрозу флангу группы армий «Центр». В этом случае наступление на Москву Гитлер мог начать уже в конце августа.

Чтобы предотвратить прорыв германских войск в тыл Киевского укрепрайона, приказом Ставки 16 августа был образован Брянский фронт под командованием генерала А. Еременко. Последний пообещал Сталину, что обязательно разгромит «подлеца Гудериана», командующего 2-й танковой группой, не даст тому продвинуться на юго-восток в тыл Юго-Западного фронта.

Однако Еременко своего обещания не выполнил. Несмотря на все усилия, его войска не смогли сдержать начавшееся в середине сентября крупное немецкое наступление. 16 сентября двигавшиеся навстречу друг другу соединения групп армий «Центр» и «Юг» замкнули кольцо вокруг Киева. 5, 26, 37-я и частично войска 38-й и 21-й армий Юго-Западного фронта оказались в окружении. По немецким источникам, в районе Киева в плен попали около 600 тыс. советских солдат. По отечественным данным, весь Юго-Западный фронт потерял с начала войны до 26 сентября 531 тыс. человек.

Потеря такого количества войск была катастрофой. Положение не спас и прибывший на юг с западного направления новый командующий Юго-Западным фронтом – маршал Тимошенко. Он уже не мог как-то повлиять на ситуацию. В брешь, образовавшуюся на Украине, срочно перебрасывались войска, предназначенные для действий на других участках советско-германского фронта. В то же время новым командующим Западным фронтом стал генерал И. Конев.

Каких-то особых задач на оборону московского направления Западному фронту не ставилось вплоть до середины сентября. Более того, на некоторых участках наступательные действия советских войск продолжались вплоть до конца этого месяца. Коневу выделялись солидные резервы. За его спиной, на отдалении 35–40 км строилась оборона Резервного фронта (после того как Жуков прибыл в начале сентября в Ленинград и возглавил оборону Северной столицы государства, новым командующим Резервным фронтом стал С. Буденный). Однако данных о замысле и направлении ударов германских войск в новом наступлении, теперь уже непосредственно на Москву, советскому командованию получить так и не удалось. Генерал Конев предполагал, что немцы попытаются ударить по кратчайшему пути – вдоль смоленской дороги. Поэтому именно там строились основные укрепления. Вероятность того, что противник прорвется севернее и южнее смоленской дороги, будет стремиться окружить основные силы Западного и Резервного фронтов, долгое время не рассматривалась. Лишь 1 октября Конев доложил Сталину о появлении немецких частей на флангах Западного фронта. Но было уже слишком поздно. Еще 30 сентября в наступление на Брянском направлении, против сил генерала Еременко, перешли соединения Гудериана. 2 октября гигантский шквал огня обрушился уже непосредственно на войска Западного и Резервного фронтов.

Основные силы группы армий «Центр» были брошены против левого крыла Брянского фронта и флангов Западного и Резервного фронтов, оборонявших московское направление. Войска фон Бока, общая численность которых достигла к 1 октября более 1900 тыс. человек и имевшие 14 тыс. орудий, 1390 самолетов, 1700 танков, значительно превосходили противостоящие советские силы, насчитывавшие всего 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий, 990 танков, 667 самолетов. В полосе группы армий «Центр» находились целые три танковые группы, включая переброшенное незадолго до этого из-под Ленинграда объединение генерала Э. Гепнера. На решающих участках прорыва германское превосходство над советскими войсками достигало соотношения 4:1 в личном составе и вооружении. План немецкого наступления, получивший кодовое название «Тайфун», был утвержден еще 16 сентября и предусматривал двойной охват советских сил в районе Вязьмы и Брянска. Уничтожение Брянского, Западного и Резервного фронтов должно было расчистить дорогу немецким моторизованным соединениям и открыть им прямой путь на Москву.

В первых числах октября 1941 г. все внимание Ставки ВГК было приковано к Брянскому направлению; считалось, что прорыв немцев к Вязьме не столь опасен. И лишь когда расстояние, отделяющее танки генерала Гепнера (наступающего к Вязьме с юга) от танков генерала Гота (продвигающегося к городу с севера), сократилось до 30 км, Сталин приказал отходить. К сожалению, как и в случае под Киевом, приказ пришел слишком поздно. 7 октября кольцо вокруг основных сил Западного и Резервного фронтов замкнулось. Еще

через несколько дней были отрезаны и три армии Брянского фронта. В результате советское командование всего за две недели октября лишилось 64 дивизий, 11 танковых бригад. По новейшим оценкам, безвозвратные потери Красной Армии на московском направлении только за октябрь составили один миллион человек, в том числе, по немецким источникам, около 688 тыс. пленных.

Окруженные советские войска действовали мужественно и упорно. Но силы и опыт боевых частей были неравными. Многие советские подразделения формировались из ополченцев, едва научившихся держать в руках винтовку. Принявший на себя командование окруженными войсками, генерал М. Лукин решил с ходу прорвать стальные клещи противника и вывести свои силы на восток. Как оказалось, такое решение было неверным. Необходимо было первоначально организовать оборону окруженного района, нащупать слабые места противника и лишь затем идти на прорыв. Получилось обратное: советские солдаты в полный рост шли в атаку, пытаясь вырваться там, где немцы их уже ждали. Десятки тысяч солдат погибли тогда в районе деревень Богородицкое и Панфилово под огнем германских орудий и пулеметов. Сотни тысяч попали в плен. Выйти из окружения удалось лишь немногим. 13 октября организованное сопротивление советских войск под Вязьмой прекратилось, хотя отдельные разрозненные подразделения еще долгое время продолжали вести борьбу. Несколькими днями позднее противник завершил ликвидацию котла под Брянском. Теперь развал всего советского фронта под Москвой казался Гитлеру и его генералам неизбежным. В обороне Красной Армии образовалась огромная брешь шириной до 500 км. Ставка вермахта приказала продолжить наступление на советскую столицу.

Однако триумфальный марш немецких танковых колонн к Москве в середине октября застопорился. На главные направления немецких ударов срочно выдвигались курсанты военных училищ, запасные части. Руководство Западного фронта и всей советской обороной на московском направлении возглавил срочно вызванный из блокадного Ленинграда генерал армии Г. Жуков. Его решительные действия по сбору оставшихся боеспособными частей, наведению порядка в войсках возымели свое действие. Именно в этот период особенно ярко проявился стратегический талант будущего маршала. Все имеющиеся в его распоряжении части и подходящие из глубины СССР свежие дивизии он направлял на особо опасные направления вдоль шоссе и железных дорог, ведущих к Москве. Подчиненные ему командиры выводили орудия на прямую наводку и в упор уничтожали немецкие танки. Особое внимание Жуков уделял минированию местности, по которой могли прорваться немецкие моторизованные колонны.

С правого фланга войска Жукова прикрывал новый Калининский фронт, который возглавил генерал Конев, чудом избежавший суда военного трибунала после катастрофы под Вязьмой. По существу, Жуков спас своего товарища, заявив, что бывший командующий нужен ему для организации прикрытия калининского направления. Жуков не ошибся в своей высокой оценке потенциальных возможностей Конева. Последний не только сдержал удары гитлеровцев на своем фронте, но и оттягивал значительные их силы, которые в противном случае были бы брошены непосредственно на Москву.

Следует также отметить, что немецкие генералы сильно переоценили успехи, достигнутые ими в октябрьских боях. Командующий группой армий «Центр» приказал 3-й танковой группе и 9-й армии наступать не на столицу, а севернее ее, для того чтобы осуществить новое крупное окружение сил Красной Армии – советского Северо-Западного фронта. Кроме того, до середины октября 64 % германских дивизий действовали против окруженных советских армий и не могли двигаться на восток. Определенную роль в срыве германского наступления на Москву сыграла и начавшаяся распутица: пошел снег, и дороги превратились в месиво грязи. Распутица, кстати, мешала и советским войскам, вынужденным по этой причине оставлять врагу тысячи застрявших машин, орудий, повозок.

И все же главной причиной приостановки немецкого продвижения к столице в конце октября стало мужество красноармейцев и командиров, беспримерный подвиг советских людей, грудью ставших на защиту родной земли. Сами немецкие командиры отмечали стойкость советских частей в обороне. «316-я дивизия, – говорилось в донесении командира германского корпуса Р. Руофа от 23 октября, – имеет много хорошо обученных солдат и ведет поразительно упорную борьбу». В последние годы появилась масса публикаций, описывающих панику, возникшую в Москве 15–16 октября 1941 г. Да, отдельные лица действительно растерялись, узнав о немецком прорыве, и, бросая свои рабочие места и квартиры, устремились на восток. Но не они определяли общую ситуацию в городе на тот период. Большинство москвичей продолжали доверять руководству своей армии и правительству. После того как Москва 20 октября была объявлена на осадном положении, тысячи жителей города вступили в народное ополчение, десятки тысяч двинулись на запад на строительство оборонительных укреплений. Организованно продолжалась эвакуация женщин, детей, стариков, промышленных предприятий в восточные регионы страны. Москва приобрела суровый военный облик, сосредоточила все свои силы на отпор врагу. Взять такой город было уже во много раз тяжелее. Самые решительные схватки были впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.